

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ЮЛИЯ КЛИМОВА

*Стали сосны рисуют
небо*

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К49

Художественное оформление серии *С. Груздева*

Ранее книга издавалась под названием
«Путешествие в страну мужчин»

Климова, Юлия Владимировна.
К49 Там сосны рисуют небо / Юлия Климова. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101338-7

Катя Шурыгина младшая в семье, и она знает, что отец не одобрит ее отношений ни с одним мужчиной на свете. Его «крошка» всегда должна быть рядом, а остальное — как-нибудь потом. Но душа просит любви, и Катя совершает отчаянный побег. Ее путь лежит на Валдай, туда, где волнуются от ветра сосны, где верность и искренность имеют особую цену. Однако отец Кати не может смириться с произошедшим, и очень скоро на Валдай прибудет еще один человек...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Климова Ю., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101338-7

Этот вечно недовольный, скрипучий, едкий, как столетняя ржавчина, голос всегда вызывал у Степана приступ колючего страха и клаустрофобию. Степан вжимал лопухую голову в плечи, морщился, опасливо поглядывал то на окно, то на дверь, а иногда даже жалобно шмыгал носом, точно проверял: пахнет обыкновенными проблемами или надвигается свирепая буря? В данный момент явно надвигалась буря, и оставалось всего несколько минут на бесполезную панику и вопрос: «А сегодня-то за что?» Вроде за предыдущие пролеты он уже схлопотал сначала по самые уши, а уж затем и по рыжую макушку и наивно полагал, что недельку будет тихо-спокойно...

Кому рассказать, он, тридцативосьмилетний мужчина, чуть ли не до смерти боится свою тетку! От одного ее взгляда подсакивает давление, отнимаются ноги, сохнет во рту и бледнеет и без того светлая кожа. Кому рассказать?

— А сегодня-то за что? — по привычке жалобно выдохнул Степан и нервно заерзал на потертом диване.

ЮЛИЯ КЛИМОВА

Ответа долго ждать не пришлось — дверь распахнулась с особым грохотом, причины которого пока были не ясны, и в комнате запахло порохом.

«Может, она того... головой ее открыла... голова-то у нее железобетонная...» — вспыхнула и пропала мысль. Степан бы и сам с радостью превратился в пыль, но, увы, это было не в его силах.

На пороге стояла Раиса Антоновна. Бывший муж наградил ее фамилией Горячева, а мама с папой — длинным острым носом, маленькими серыми глазками, тонкими губами, жесткими волосами пепельного цвета, узкими плечами, широкими бедрами и ростом чуть ли не метр девяносто. Выражение лица Раисы Антоновны всегда напоминало сводку Гидрометцентра в дни затяжных осенних дождей, первых заморозков и слякоти, а ее резкий хрипловатый голос наводил ужас не только на соседей по лестничной площадке, но и на глуховатую консьержку, молоденького участкового и даже на тараканов. Именно поэтому в доме, где проживала гражданка Горячева, тараканов не водилось.

— Степан!

— Я! — подпрыгнул он.

— Уж не сомневайся, я знаю, что это ты. — Раиса Антоновна вытянула правую руку и ткнула пальцем в своего великовозрастного племянника. — Мое терпение лопнуло!

— Я помыл посуду, — проблеял Степан, надеясь на снисхождение. — Вынес мусор и... проветрил кухню.

Там сосны рисуют небо

— Круг, — с победной ухмылкой произнесла Раиса Антоновна.

— Какой круг? — Степан от удивления позабыл об элементарных правилах безопасности и, вместо того чтобы вжаться в диван, подался вперед.

— Коричневый! Коричневый круг от чашки... — Глаза Раисы Антоновны хищно сверкнули. — Сколько раз я говорила, что чай нужно размешивать медленно, не торопясь, тогда никаких коричневых кругов на столе не останется. Ты же плюешь на мои слова и размешиваешь чай слишком быстро. Нетерпеливо размешиваешь! — Голос Раисы Антоновны взметнулся к потолку, и стекляшки люстры, купленной еще в далекие советские времена, дрогнули. — А твои носки? Они лежат в корзине для белого белья, а должны лежать в корзине для цветного белья! Но это еще не все...

Степан втянул в легкие побольше воздуха и на миг замер. Пока ситуация не превратилась в критическую: следы чая на столе, носки не там, где нужно... Ничего нового, ничего серьезного. Он и сам не понимал, почему его оплошности имеют столь затяжной и хронический характер. Вроде мешает медленно, вроде кладет, куда нужно, вроде не шаркает, не роняет, не просыпает мимо, но каждый раз одно и то же! Хоть ты тресни!

— Я терпеливо размешивал, — выдохнул Степан и уныло посмотрел на тетку.

За восемь лет совместного проживания он так и не научился говорить ей «ты», твердо возражать или тол-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

ково отстаивать свою точку зрения. А главное, ну чего она от него хочет? Чего пристает? Ему же немного нужно: поесть, попить, почитать медицинскую энциклопедию, опять поесть и попить, принять витамины и еще что-нибудь по мелочи. И как его угораздило оказаться бок о бок с этой вреднейшей, ужаснейшей Раисой Антоновной?! Хотя давным-давно он сам по доброй воле переступил порог ее квартиры.

«Может, обойдется...» — подумал Степан, мечтая о валериановых каплях и маленькой рюмочке коньяка, однако страшная фраза «Но это еще не все...» и свинцовый взгляд теткинских глаз говорили совсем о другом. «Не надо было к ней переезжать, не надо», — дежурно попричитал он и шумно вздохнул.

Восемь лет назад Степан проживал в Мытищах — в однокомнатной квартире на пятом этаже. Работал где придется, изредка встречался с одинокими девушками из категории «за тридцать», лечил несуществующую язву и несуществующий хронический ларингит, питался кашами и макаронами, совершал вечерние прогулки и полагал, что его спокойствию ничего не угрожает и жизнь всегда будет протекать однообразно и тихо.

Правда, водились за ним и темные делишки, но о них Степан предпочитал не вспоминать — по молодости да по глупости с кем не бывает?

Родителей нет, друзей тоже, зато пара-тройка приятелей имеется — и тетка в Москве...

Тетка.

Ох уж эта тетка...

Там сосны рисуют небо

Созванивались они редко — на праздники, дни рождения и в случае мировых катаклизмов. Инициатором контактов в основном была Раиса Антоновна. Но вот случилось так, что звонки стали чаще, продолжительность разговоров увеличилась с пяти минут до получаса, и через некоторое время Степан уже не мог заснуть без ровного уверенного голоса единственной родственницы, которая вдруг на пятидесятом году жизни заскучала и почувствовала стойкую тягу к материнству. «Что ты сидишь в своих Мытищах? Переезжай ко мне, устроишься здесь, в Москве, на хорошую должность, рядом со мной будешь, все ж мы не чужие. А квартиру сдай, чего добру пропадать. Детей у меня нет, так о тебе заботиться буду, ты небось и носки толком постирать не в состоянии». Напор Раисы Антоновны сделал свое дело, и Степан, мечтая о домашнем уюте, наваристом борще (а вдруг нет у него никакой язвы?), сдал квартиру и переехал к тетке. Кто ж знал, кто ж знал!

И поначалу вроде все шло гладко: Раиса Антоновна стирала, убирала, готовила и не слишком докучала, но потом ее материнский настрой пошел на убыль, и она превратилась в классическую мачеху из сказок, с той лишь разницей, что домашние обязанности так и остались лежать на ее узких плечах. И это был особый, всегда беспрюирышный повод запилить племянника до полусмерти. Удовольствие, не сравнимое ни с чем.

Кошмар с каждым днем становился все мучительнее. Но Степан уже не мог отказаться от комнатки с видом на унылый двор, от потертого дивана, плюше-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

вого и мягкого, от ковра с ромбами по углам и оленьями в центре, от люстры из прозрачных стекляшек, от подоконника, заставленного вонючей геранью, и от многого, многого другого... Он привык и к Москве, и к борщам, и к вареникам, и к чистым носкам, и к тому, что можно не работать, и даже к кобре-тетке привык! Поругает, попилит острыми зубищами, да и оставит в покое на пару дней, и ничего страшного вроде не произошло — обошлось, и ладно.

— Но это еще не все... — повторила Раиса Антоновна и скривила губы. — Что ты можешь сказать о моем любимом махровом полотенце? О полотенце желтого цвета с белыми полосками по краю?

Только сейчас Степан обратил внимание на то, что тетка прячет левую руку за спиной, и, скорее всего, в данный момент ее цепкие узловатые пальцы сжимают это треклятое полотенце!

— Я его не брал... и не видел...

— Неужели?

— Точно.

— А я вот думаю иначе!

Раиса Антоновна вытащила из-за спины полотенце, быстро расправила его и продемонстрировала поникшему племяннику четкие бордово-фиолетовые пятна, украшающие середину и края мягкой ткани.

— М-м... — жалко протянул Степан.

— Что это? Что это, я спрашиваю?!

Молчание вряд ли бы спасло. Ничего не оставалось, кроме как покаяться.

Там сосны рисуют небо

— Вино. Красное, полусладкое.

— Я так и знала! — Раиса Антоновна от негодования и ликования топнула ногой. — Опять с Нинкой развратничал!

Покраснев, Степан резко замотал головой:

— Нет, она просто зашла... мы расстались...

Это была полуправда, а о горькой правде он предпочитал не думать, оберегая сердце от инфаркта, желудка — от все той же язвы, а нервную систему — от вялотекущей депрессии.

Да, крепкая, яркая, пахнувшая жасмином Нина-Нинель его бросила (а кому нужен ленивый неработающий мужчина, живущий на небольшой доход от квартиры в Мытищах?), но перед сокрушительным «Я слишком хороша для тебя, прощай!» она подарила ему последний эротический эпизод, столь великолепный, что теперь, мысленно перебирая утраченные удовольствия, Степан готов был плакать. Горько, горько плакать... «Надеюсь, ты меня не скоро забудешь», — хохотнула Нина напоследок и ушла, хлопнув дверью. Ушла, а разлитое вино, обида и пустая надежда впитались в любимое банное полотенце Раисы Антоновны, на котором Нинель возлежала столь трепетно, столь живописно...

И как тетка его нашла? Он же хорошо его спрятал: запихнул под ванну, хотел позже отнести в химчистку...

— Значит, твоя потаскунья шарила в моем шкафу, трогала мои вещи и... и... Я даже не могу представить, что она делала с моим любимым полотенцем! — В го-

ЮЛИЯ КЛИМОВА

лосе Раисы Антоновны зазвучали не только гневные, но и трагические ноты. — И это после того, как я застучала ее голой на столе собственной кухни!

— Вы тогда все неправильно поняли, — заплетающимся языком выдал Степан, — у нас была важная дата, год знакомства... и Нинель, то есть Нина... хотела сделать мне сюрприз. Ну... хм... ей казалось, что так... хм... получится... торжественно.

— Торжественно? — брови Раисы Антоновны от искреннего удивления подскочили на лоб.

— Я не то слово подобрал... не то...

Историю с «аморалкой на кухне», а именно так тетка именовала события месячной давности, Степан с удовольствием вычеркнул бы из памяти и из жизни. Он до сих пор не мог забыть визг Раисы Антоновны и пронзительные звуки бьющейся посуды. Его встречи с Ниной не были такими уж частыми, и домой он ее приглашал лишь в исключительных случаях. А разве год знакомства — не исключительный случай? Тетка на работе — ничто не предвещало беды! Степан побежал в магазин за коробкой конфет, потому что заранее не подготовился, забыл о важной дате, а Нинель, томимая страстью, разделась и устроилась на столе: вот, мол, я какая — лучший десерт, какой только может быть!

Но тетка пришла с работы значительно раньше. Видимо, чутье сработало! И, конечно, на кухонном столе она обнаружила не салат из помидоров и огурцов, не банку шпрот и не тарелку с супом — она обнаружила совершенно голую и абсолютно бесстыжую Нинку,

Там сосны рисуют небо

которая при виде родственницы любимого мужчины не потупила застенчиво взор, не залилась краской стыда, не прикрылась краем шторы, а искренне и громко захохотала, обмахиваясь от избытка чувств мятой бумажной салфеткой.

Степан влетел в квартиру пять минут спустя, но Раиса Антоновна была так занята битьем посуды и выдворением «порочной шалавы» из кухни, что племянника не заметила. А он метался из угла в угол, ой-кал, охал, собирал с пола одежду подруги и невнятно и тщетно пытался успокоить разбушевавшуюся тетку.

Нина-Нинель позвонила на следующее утро и сказала, что подобного удовольствия она уже давно не испытывала и им нужно обязательно повторить такой фейерверк эмоций, но уже без Раисы Антоновны.

— Не то слово подобрал? Да ты предавался утехам на моем столе! Утехам с этой шалавой! А теперь? — Тетка взмахнула злосчастливым полотенцем. — А теперь оказывается, она имела наглость прийти еще раз!

— Ну, каким утехам... — Степан сморщился. — Это же так... общение...

— Убирайся из моего дома! — вскричала Раиса Антоновна, швырнула на пол полотенце, демонстративно потопталась по нему и вылетела из комнаты.

Дальнейшее Степан воспринимал в полубессознательном состоянии: уши заложило, картинка поплыла, а сердце, казалось, остановилось.

Тетка вернулась через несколько секунд с большим коричневым чемоданом, некогда прибывшим вместе с

ЮЛИЯ КЛИМОВА

хозяйном из Мытищ, и быстро и ладно стала паковать вещи, изредка бросая недовольные фразы и гневно потрясая то кулаком, то указательным пальцем. Все ее движения были настолько четкими и точными, трусы, носки и майки она так идеально складывала ровными стопками, оставляя достаточно места для брюк и рубашек, что в голове Степана задребезжала мысль: сколько же раз в мечтах она уже прогоняла его из квартиры?

— Убирайся! — в который раз выкрикнула Раиса Антоновна и напоследок больно ужалила: — К шалаве своей убирайся! Раз она тебя любит, то и приютить не откажется!

Вытолкав племянника на лестницу, она многозначительно громыхнула чемоданом и хлопнула дверью.

— Я-я... — попытался вставить хоть что-то Степан, но тут же замолчал и крепче прижал к груди любимую медицинскую энциклопедию. Оправдания уже никого не интересовали, привычная жизнь рухнула, и реальность происходящего холодом пробрала до самых костей. — Одни мы с тобой остались, — шмыгнул он носом, теребя замусоленный угол книги. — И куда идти?

Степан немного потоптался около мусоропровода, надеясь, что тетка остынет и позовет обратно, затем застегнул молнию ветровки, вяло пнул ногой чемодан, тяжело вздохнул и нажал кнопку лифта. Где найти временное жилье, куда податься?

— Поеду к Павлу, — решил он и, бросив последний взгляд на дверь теткиной квартиры, с чувством

Там сосны рисуют небо

произнес: — Грымза проклятая! Самая настоящая грымза!

До Ярославской улицы он добрался за полчаса — расстроенный, подавленный и раздраженный. Он уже отвык от таких марш-бросков, от толчеи в общественном транспорте и поэтому безмерно жалел себя и настойчиво винил во всем Нинку. Ей лишь бы поиграть, а ему? Ей лишь бы ногами подрыгать, а ему? Семью захотела! А где взять здоровья на эту семью?! Какая работа, когда в трамвае его укачивает, а в метро начинаются приступ кашля и расстройство желудка одновременно?! Степан поджимал губы, шмыгал носом и тащил тяжелый чемодан от автобусной остановки к бело-желтой башне (с передышками через каждые десять метров). Одна дура, вторая дура, а ему-то как жить?..

Дверь Павел открыл сразу, будто только и ждал момента, когда к нему кто-нибудь заглянет. С последней встречи он ничуть не изменился. Это порадовало и несколько успокоило: все по-прежнему смазлив, волосы все так же обесцвечены «под блондина», все те же прыщи на носу.

Сунув руки в карманы спортивных штанов, Павел оглядел гостя с головы до ног и, не задавая вопросов, пропустил в квартиру.

— А я от тетки ушел, — отчитался Степан, с облегчением пристраивая чемодан около кресла. — Вернее, она меня выгнала... Мегера — она и есть мегера. Я, конечно, понимаю, что тебе постояльцы не нужны. — Он